

ПИСАТЕЛЬ ПОЛ ОСТЕР:

Известия. — 2004. — 21 сен. — с. 14

«У МЕНЯ ДО СИХ ПОР НЕТ КОМПЬЮТЕРА»

Впервые на русском языке выходит новый роман известного американского писателя Пола Остера «Ночь оракула». Пока в России готовится презентация книги, автор «Стеклянного города», «Тимбукту» и «Мистера Вертиго», сценарист «Дыма» и «С унынием в лице» и режиссер культового фильма «Где ты, Лулу?» не только написал еще один роман, но и почти закончил работу над сценарием к новому фильму Патриса Леконта. Пол Остер дал интервью корреспонденту «Известий» Наталье Кочетковой.

ФОТО: АР

ЭКСКЛЮЗИВ

— Главный герой романа «Ночь оракула» — писатель Сидни Орт — делает главного героя собственного романа похожим на себя, а насколько сам Сидни похож на вас?

— Совсем не похож. Сидни — полностью вымышленный персонаж. Его личность и биография не похожи на мои, и пишет он совсем не так, как я. Например, Роза — персонаж его романа — списана с его жены. Я так не работаю (смеется).

— Ваш герой предпочитает бумагу пишущей машинке, а для вас важны какие-то мелочи в рабочей обстановке?

— Конечно, у меня есть свои маленькие причуды. Например, я всегда пишу в блокноте. Я начал это делать давно, когда был еще совсем молодым. Потом, я всегда пишу от руки, а в конце дня перепечатаваю это на машинке — старомодной механической печатной машинке. У меня до сих пор нет компьютера. Мне так удобно.

МОИ КНИГИ КАК СКАЗКИ — ЧИСТЫЙ НАРРАТИВ

— «Ночь оракула» отчасти напоминает Гофмана — роман написан на грани мистики и реальности. Что дает такая игра?

— Сложно сказать, почему я так делаю. Я сам толком не понимаю, откуда идет то, о чем я пишу. Это все находится очень глубоко внутри меня, я следую тому, что говорит мне интуиция. Поэтому в определенном смысле каждая книга оказывается непохожей на предыдущую. Это как заклинание, которое действует на меня с того момента, как начинаю книгу, и до конца. Что же касается «Ночи оракула», то Сидни оказывается в затруднительном положении. Он до конца не осознает, каким хотел бы быть, и борется за эту ясность. Для меня эта книга вовсе не мистическая.

— Ваши книги часто сравнивают со сказками, которые можно рассказывать на ночь. Вы согласны с таким определением?

— Сказки для меня очень важны. Я думаю, что мои книги в определенном смысле чистый нарратив, как и сказки. Я имею в виду то, что мои книги описывают реальный мир, но в то же время я стараюсь делать это чуть-чуть по-другому, чем многие романисты. Делать историю проще, чище, прямее, наверное.

— Поэтому вы убрали часть истории в примечания?

— Да, это делает историю более компактной. Все действие происходит примерно в две недели. И мне бы хотелось, чтобы основное повествование происходило в настоящем времени. А примечания в основном относятся к прошлому. С одной стороны, они предоставляют читателю те сведения, которые ему нужны для понимания, но в то же время не вклиниваются в это двухнедельное повествование. Мне показалось, что это более интересно. Вы можете остановиться, скользнуть взглядом вниз, прочесть небольшой текст и продолжить читать роман. Эта книга во многом о времени, в некотором смысле это размышление о времени.

— В романе очень много вставных новелл. Какова их роль?

— Это то, что я бы назвал эффектом коллажа. Если у вас есть две, три, четыре различные составляющие, то интересно, какое действие произведет пространство между этими историями. Потом, когда у вас есть несколько историй, которые происходят одновременно, это выглядит очень естественно: одна история порождает другую. Это такой эффект книги в книге (смеется): роман «Ночь оракула» внутри романа о Нике Боуэне, рассказ Траузе, история его шурина Ричарда, который через много лет после смерти жены находит ее фотографии, потом сценарий о машине времени — да, действительно, в книге полно разных историй... Но в любом случае они все связаны между собой.

— Ваш герой собирается писать сценарий, но для него это лишь способ заработать. А вам самому нравится писать сценарии?

— Только как сценарист я сделал два фильма — «Дым» и «С унынием в лице», и оба проекта очень важны для меня, я писал их с той же отдачей, что и свои романы. Хотя, честно говоря, не получил особенно много денег ни за один из них (смеется). Это было не голливудское кино, и я получил за них меньше, чем за книгу. Так что в моем случае это, скорее, наоборот.

ВИМ ВЕНДЕРС СКАЗАЛ МНЕ: «ТЫ ДОЛЖЕН САМ СНИМАТЬ ЭТОТ ФИЛЬМ». И Я СТАЛ СНИМАТЬ

— Как случилось, что вы стали режиссером «Где ты, Лулу»?

— Я работал с Уэйном (режиссер Уэйн Уонг. — «Известия»). В пятницу мы закончили снимать «Дым» и собирались в понедельник начать «С унынием в лице». Но Уэйн заболел и не смог выйти на работу. Я вынужден был стать режиссером и первые три дня снимал фильм один. Потом мы режиссировали вместе. Так что у меня был опыт, и он доставил мне массу удовольствия. Затем я написал сценарий к «Лулу». Режиссером должен был стать Вим Вендерс. Но он собирался делать другой проект и не мог снимать. Когда я об этом услышал, то подумал, что, может быть, мне стоит сделать это самому. И пока я об этом думал, от Вима пришел факс, в котором он писал: «Я думаю, что ты сам должен снимать этот фильм». И я стал снимать. Это самый потрясающий опыт в моей жизни.

— Не боялись, что не справитесь?

— Я успел многому научиться, работая над «Дымом» и «С унынием в лице». Я проник в каждую деталь съемок — делал все: подбирал актеров, работал художником-постановщиком, режиссером, подбирал музыку. Поэтому даже в «Дыме», хотя это фильм Уэйна, я уже многое умел и понял, что смогу снять сам. Я очень плотно работал с моим кинооператором, который, кстати, русский. Он оказался потрясающим, и мы за время съемок стали как братья. Это было удивительное сотрудничество.

— Не думаете повторить опыт?

— Не знаю. Правда, не знаю. Я только что закончил новый роман — буквально несколько дней назад. Он называется «Brooklyn Follies», и еще я согласился написать сценарий для французского режиссера Патриса Леконта и почти его закончил. Впервые за несколько лет я возвращаюсь в кино, правда, только как сценарист. Это первый англоязычный фильм Леконта. Он будет сниматься в Нью-Йорке, и съемки должны начаться очень скоро — уже на этой неделе.

— Это же здорово.

— Здорово, но дело в том, что после того как я закончил роман, чувствую себя таким опустошенным, несчастным и потерянным (усмехается). Но поскольку у меня есть еще другая работа, то она позволяет мне преодолеть кризис, который следует за окончанием книги.

МОЯ НОВАЯ КНИГА — НЕЧТО ВРОДЕ КОМЕДИИ

— Вы как-то сказали, что вас интересует больше внутренний мир героя, чем социология. Однако в «Ночи оракула» вам все же немного пришлось ею заняться: ваш герой живет в прошлом да еще пишет сценарий о путешествии во времени. Вы изменили свою позицию?

— Нет. Конечно, люди живут в обществе, и вы не можете писать книг, не обращаясь к истории и культуре того времени, когда происходят события. Но мне кажется, что центральные события моих книг происходят больше внутри персонажей, чем во внешнем мире. Внешний мир есть, он их окружает, и я не говорю, что меня он не интересует (смеется) — нужно быть для этого сумасшедшим. Я обнаружил в блокноте свои размышления о жизни двадцатилетней давности. И там две мысли: первая — «Мир в моей голове» и вторая — «Мое тело в мире». Внутреннее и внешнее переходят друг в друга, и все взаимосвязано.

— «Ночь оракула» во всей красе демонстрирует фирменный стиль Пола Остера: игра с разными художественными мирами, параллельными ситуациями. А как насчет вашей новой книги «Brooklyn Follies» — она какая?

— Моя новая книга — нечто вроде комедии, не совсем, конечно, в ней много и грустных моментов. И у нее совсем другая структура: в ней очень много глав, у каждой есть свое название. Всякий раз, когда я начинаю новую книгу, я как будто вступаю в незнакомую территорию. Стиль — это как часть твоего генетического кода, как твоё тело. Когда я был молод, я думал над стилем все время. Тогда мне нужно было найти способ выразить себя. По прошествии лет он становится для тебя таким естественным, что ты больше о нем не думаешь. Единственное, что важно, — правильно рассказать историю. Сейчас меня больше волнует содержание.